

Даль памяти

МОЕ ЗНАКОМСТВО С ГОРЬКИМ

Николай Иванович Кочин — известный писатель, лауреат Государственной премии РСФСР. В литературе он работает уже шестьдесят лет. Еще в тридцатые годы были очень популярны его романы «Девки» и «Парни». Навсегда, во всем, что выходит из пера Николая Кочина, сохраняется его совершенно особенный стиль, своеобразный язык. Так, нам кажется, и в этих коротких заметках, которые мы публикуем в связи со 115-й годовщиной со дня рождения Алексея Максимовича Горького.

Вот как я был первый раз у Горького и какое вынес впечатление. В 1934 году он задумал новое дело — книгу по истории Нижегородской области. Он любил это. Уже был издан им «День мира», «История фабрик и заводов»... Он сделал заметку. (Опубликована в одной из книг его архива). Создана им бригада. Туда наметил он москвичей: Пришвин, Всеволод Иванов, Караваева, Сейфуллина. Из местных писателей-нижегородцев включил Рюрикова и меня.

Нашлись деньги, дачи для москвичей. Москвичи проехали по Волге, рылись в архивах, отыскивали «бывалых» людей. Словом, заварилась каша. Штаб руководства книг был в обкоме. И вот через несколько месяцев нас вызвал Горький к себе на Малую Никитскую в бывший особняк Рябушинского.

Вошел Горький. Сел и сразу сказал:

— А кто тут Кочин?

Я торопливо подскочил. Немного испугался даже.

Он указал выразительным пальцем на место между собой и Лидией Сейфуллиной, которую очень ценил. Я знал, что он меня читал, знал от друзей-писателей.

— Ну, вот. Куда ездили, что пишете-то, батенька?

— Да я уже написал... Вот.

Я рассказал, что целое лето провел в отличном колхозе Бутурлинского района.

— А? Барнуковская пещера... Известна во всем мире... Попала в энциклопедию.

Я сказал, что лазил в нее через отверстие в холме и там под землей большое озеро, кинь камень, и не услышишь, как он падает в воду. Геологи плавали там на лодке и не все узнали. Над озером — холм из минерала. Из него местные кустары делают предметы обихода. Это прибавочный доход колхозу, который богат, выстроил свой радиозузел, электрифицировал село (тогда это была большая новость). Хорошо работает клуб, читальня.

Горький повеселел и тут же сам начал говорить об этой пещере, об этом минерале, привлекала книги, людей, события. Он был в своей стихии — эрудита, несравненного знатока своей страны, которую он исходил пешком вдоль и поперек с котомкой за плечами. Видно было, как много он видел, знал, понимал человека во всех его положениях и психологических ситуациях.

В такие именно минуты он был приветлив, глаза в глубоких впадинах излучали свет. Монгольского типа лицо казалось обаятельным. Да, это надо было видеть.

Вот он, усмехаясь в густые усы, стал спрашивать всех, кто что сделал: один должен был писать об интересных людях Нижнего Новгорода, другой о ярмарке, третий о сормовских революционерах... И пока они рассказывали, я разглядывал Горького.

Он был в сером костюме, при галстукке, выше всех на голову, а когда вставал, то ни один из нас не оказывался выше его плеч. На портрете у Корина он очень похож; идет с посохом по земле: жилистый, сухой, подобранный, немного сутуловатый. Волосы ежиком. Лицо широкое, скуластое, с широким утиным носом. Суров на вид...

Все время руку держал на столе, на весу, в кулаке зажата папироса, которую он то и дело сосал. Но редко затягивался, просто папироса чуток дымилась. Гасла, он начинал другую. Любил подергивать себя за ус. Одно плечо у него было повыше другого. Говорил глухим басом, резко, по-нижегородски с нажимом на «о». «Москва», «Пистолет» (так он по-отцовски называл молодых). Говорил открыто, басом и любил просторечные обороты: «Вы знаете...», «того...» «Как бы сказать...», «Да, так вот...»

Но в общем удивительно образно, остроумно, интересно... Думал не о красноте и изысканности речи, а о богатстве и своеобразии мысли.

Его речь напоминала мне его прозу последних лет: это очерки о писателях

и «заметки из дневника воспоминаний» — миниатюры: «А. А. Блок», «Знахарка», «Люди наедине сами с собою», «Палач». Язык миниатюр — истинное волшебство: каждое слово — алмаз. Это вровень с эссе Монтеня, Паскаля, Лихтенберга, Лябрюйера, Ларошфуко и прочими первоклассными эссеистами мира.

Я не спускал с него глаз.

Когда он опросил всех, то оказалось, что много заседали, много выискивали материалов, много истратили государственных денег, а ничего не написали (кроме троих). Словом, не сдержали слова, злоупотребили доверием... Горький сделался очень суровым. Точно мысленно он очертил круг вокруг себя, и мы все оказались за этим кругом. Наступила свиная тишина...

● А. М. Горький.

С картины П. Корина.

Не потаю греха, мне стало страшно.

Вдруг Горький поднялся, отошел к окну и встал к нам спиной. Мы все остались на местах, оцепенев. И только один из нас — Ш. — как раз тот, который больше всех обещал, больше всех взял авансов и меньше всех сделал (фактически — ничего не сделал), подошел к Горькому сбоку. И Горький к нему не повернулся. Тот подошел с другого боку и так то туда, то сюда, а Горький никак не реагировал.

Сколько так-то пережили мы минут, никто не скажет. И не знали, что делать. Горький был не только в добре расточителен, но и громоподобен в гневе. Вдруг он сел и стал спрашивать, какие книги читали, какие архивы обследовали и с чего надо было в первую очередь начать.

Лицо его оживилось, и волна воспоминаний захлестнула его. Он называл авторов, примечательные места, книги, и я впервые узнал об уникальном сочинении Зарубина «Темные и светлые стороны русской жизни» и о романе И. Рукавишникова «Проклятый род», страшной книге о нижегородском купечестве. Вспомнил нижегородских поэтов: Гразе, Мысовскую и процитировал поэму о Балахне:

Как прачка после стирки долгой,
Уснула Балахна над Волгой.

И пошло, и пошло... О нижегородских чудаках-купцах, архиереях, интеллигентах, боссаках — слышать обо всем этом составляло большое удовольствие.

Встречаться с великим человеком не всякому доводится. А когда доводится, то можно постичь многое из того сразу, до чего доходил бы своим умом целыми годами...

Николай КОЧИН.

г. ГОРЬКИЙ.